

А. А. Смирнов

кандидат юридических наук, доцент
ведущий научный сотрудник 3 отдела НИЦ № 4 ВНИИ МВД России
старший научный сотрудник сектора информационного права и международной
информационной безопасности
Института государства и права РАН
smirnovsng@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В КОНТРПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЕ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса использования психологических знаний в контрпропаганде в области борьбы с терроризмом и экстремизмом. Изложены наиболее релевантные психологические теории, применимые для целей контрпропагандистской работы. Основное внимание уделено теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера и использованию ее положений для организации контрпропаганды.

Ключевые слова: контрпропаганда, терроризм, экстремизм, психология, теория когнитивного диссонанса

A. A. Smirnov

Candidate of Juridical Sciences, Associate professor
Leading Researcher All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Senior researcher of the Information Law and International Information Security Sector of
the Institute of State and Law
smirnovsng@yandex.ru

THE USE OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE IN COUNTER-PROPAGANDA WORK IN THE FIELD OF COMBATING TERRORISM AND EXTREMISM

Abstract. The article is devoted to the consideration of the use of psychological knowledge in counter-propaganda in the field of combating terrorism and extremism. The most relevant psychological theories applicable for the purposes of counter-propaganda work are presented. The main attention is paid to L. Festinger's theory of cognitive dissonance and the use of its provisions for organizing counter-propaganda.

Keywords: counter-propaganda, terrorism, extremism, psychology, theory of cognitive dissonance

Введение

Одним из ключевых трендов международных отношений в условиях современной цифровой среды является усиление информационного противоборства. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 года отмечалось, что «всё большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории»¹. В новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года также подчеркивается значимость данной угрозы: «Расширяется использование информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва их суверенитета и нарушения территориальной целостности, что представляет угрозу международному миру и безопасности»².

Выделенный тренд не является абсолютно новым. Так, еще в советском издании по контрпропаганде 1984 года акцентировалось внимание на том, что «благодаря всепроникающим средствам массовой информации, использованию новейших достижений научно-технической революции фронт идеологического противоборства проходит сегодня через весь мир, вовлекая в свою орбиту практически всё население земного шара» [Кейзеров, Ножкин, 1984, с. 4]. Однако новейшие цифровые технологии существенно увеличили возможности деструктивного информационно-психологического воздействия и расширили для его воздействия аудиторию.

В настоящее время субъектами информационного противоборства выступают не только государства, но и иные акторы мировой политики, включая террористические и экстремистские организации [Смирнов, 2018]. Эксперты в один голос говорят об активном

¹ Основным различием между ними выступают объект преступления и мотив.

² Основанием для квалификации данного деяния в качестве общественно опасного является наличие в законодательстве государства положений, устанавливающих специальный правовой статус воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите СССР в Великой Отечественной войне или его интересов либо посвященных дням воинской славы государства.

использовании потенциала современной цифровой среды террористами и экстремистами. Так, В. В. Красинский отмечает «повышение информационной составляющей террористической деятельности, стремительное развитие террористическими организациями информационно-пропагандистской инфраструктуры и использование в противоправных целях современных информационно-коммуникационных технологий» [Красинский, 2023, с. 9].

Одним из ключевых направлений противодействия терроризму и экстремизму в цифровой среде выступает контрпропаганда. Автор определяет контрпропаганду в области борьбы с терроризмом и экстремизмом как «деятельность по оказанию информационно-психологического воздействия на людей и социальные группы в целях нейтрализации террористической и экстремистской пропаганды» [Смирнов, 2020, с. 14].

Поскольку как пропаганда, так и контрпропаганда предполагает борьбу «за умы и сердца людей» и включает комплекс мероприятий информационно-психологического воздействия, то важное значение в разработке научной теории контрпропаганды имеют психологические знания. Именно они раскрывают механизмы работы главного объекта воздействия контрпропаганды – индивидуальной и групповой психики.

По нашему мнению, наиболее релевантными психологическими концепциями для сферы контрпропаганды являются: а) бихевиоризм (необихевиоризм); б) теория социального научения; в) психоанализ; г) теория когнитивного диссонанса; д) теория социального влияния и др.

В настоящей статье нам хотелось бы остановиться на *теории когнитивного диссонанса* и рассмотреть ее через призму задач ведения контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом.

В начале нашего рассмотрения изложим основные положения теории когнитивного диссонанса [Фестингер, 2018, с. 230–235]:

- 1) когнитивные элементы (мнения, установки, знания, ценности) могут находиться в отношении диссонанса, или несоответствия, между собой;
- 2) существование диссонанса вызывает стремление к тому, чтобы его уменьшить и попытаться избежать его дальнейшего увеличения;
- 3) проявления подобного стремления состоят в изменении поведения, изменении имеющихся знаний и пристрастном поиске новой информации и новых мнений относительно породившего диссонанс суждения или объекта.

Несомненно то, что лица, подвергнутые радикализации, испытывают когнитивный диссонанс. Причем уровень данного диссонанса будет крайне высок, поскольку вступающие в него когнитивные элементы весьма значимыми для индивида (поскольку зачастую на карту поставлена не только судьба человека, но и его жизнь). Конечно, можно предположить существование определенной прослойки идейных адептов, которые до такой степени вдохновлены новой радикальной идеологией, что не испытывают никаких внутренних психологических противоречий. Но, во-первых, доля таких лиц крайне мала, а во-вторых, со временем даже у них может возникать диссонанс по мере осознания противоречий между декларируемыми экстремистскими идеологами постулатами и реальным поведением лидеров и адептов экстремистского движения, а также между первичными ожиданиями и действительностью.

Основной стратегией контрпропагандистской работы должно стать стимулирование усиления когнитивного диссонанса у адептов экстремистской идеологии. Данная стратеги может быть реализована путем использования идеологических контрнарративов, демонстрации расхождений между декларируемыми и реальными целями и действиями, убеждения с помощью апелляции к личному восприятию лица (в том числе через прием «тестирования реальности»), дискредитации лидеров террористической (экстремистской) организации и другими способами.

Следует отметить, что когнитивные элементы обладают определенной упругостью и оказывают сопротивление попыткам их изменения. Согласно Л. Фестингеру, главным фактором, определяющим величину диссонанса между двумя когнитивными элементами, будет важность (значимость) данных элементов. Данный показатель будет также существенно влиять на устойчивость когнитивного элемента при попытке его изменения извне (в нашем случае – в ходе ведения контрпропаганды). Как отмечает ученый, «максимальный диссонанс, который может существовать между двумя любыми элементами, определяется величиной сопротивления наименее стойкого элемента. Как только степень диссонанса достигнет своего максимального значения, наименее стойкий когнитивный элемент изменится, тем самым устраняя диссонанс» [Фестингер, 2018, с. 41].

Вместе с тем Фестингер подчеркивал, что хотя общим законом является стремление лица снизить диссонанс, в ситуации наличия

сильного когнитивного диссонанса (сильных внутренних противоречий между радикальными и иными внутренними взглядами и убеждениями лица, осознания несовпадения радикальных убеждений с реальностью) лицо, напротив, может стремиться к поиску информации, увеличивающей диссонанс, чтобы изменить свои взгляды / поведение [Фестингер, 2018, с. 130]. Такое психическое состояние может возникнуть у лица как в силу самостоятельной когнитивной деятельности, так и в результате проведения первичного комплекса мер информационно-психологического воздействия. В этот момент может быть достигнут наиболее мощный эффект контрпропагандистского влияния на данное лицо, способный «переломить» его мировоззрение и «разрушить оковы» радикальной идеологии.

Однако вернемся к механизму сопротивления изменению когнитивных элементов, который действует в большинстве случаев. В работе Л. Фестингера описаны несколько важных психологических механизмов, влияющих на взаимодействие человека с информацией. Их необходимо обязательно учитывать в контрпропагандистской работе, поскольку они выступают главными барьерами для достижения ее целей. Поэтому при разработке сценария мероприятий контрпропаганды необходимо изначально их учитывать и закладывать способы их нейтрализации.

Такими психологическими механизмами являются:

- 1) пристрастный поиск информации, способствующей появлению консонантных связей и избеганию диссонанса;
- 2) сознательное избегание встречи с информацией, способной вызвать диссонанс;
- 3) активное сопротивление психики проникновению диссонантных когнитивных элементов [там же, с. 126–137].

Первые два механизма препятствуют проведению контрпропагандистских мероприятий тем, что «экранируют» адепта радикальной идеологии от меседжей контрпропагандиста. Действие данных механизмов подтверждено эмпирическим исследованием реакций предубежденных лиц на пропаганду, направленную на развенчание предубеждений. Его авторы – Купер и Ягода – пришли к выводу о том, что «испытуемые предпочитают не сталкиваться лицом к лицу с идеями, противоречащими их собственным, чтобы им не пришлось ни защищаться, ни признавать ошибку» [Cooper, Jagoda, 1947, с. 15–25].

В этом плане они дополняют действие двух других значимых барьеров – (1) умышленной изоляции экстремистскими проповедниками (вербовщиками) лица, подвергаемого радикализации, от внешней информации и (2) механизмов «пузыря фильтров» и «эхо-камер» в современных цифровых платформах.

Для преодоления описанных барьеров в зарубежной литературе предложено использовать *метод когнитивной инфльтрации*, состоящий в информационном проникновении (инфльтрации) в экстремистские группы с целью доведения альтернативных сведений, которые подрывают их идейный монолит и сеют сомнения среди его участников в отношении теорий, убеждений и фактов, которые циркулируют внутри таких групп, внося «когнитивное разнообразие» [Sunstein, 2014].

Третий психологический механизм действует тогда, когда усиливающее диссонанс сообщение всё же достигает своего адресата. В этом случае активизируются психические процессы, предотвращающие сознательное внедрение диссонантных элементов в систему знаний. Это может проявляться в:

- а) попытках избежать дальнейшего информационного воздействия;
- б) ошибочной интерпретации полученной информации;
- в) неверном восприятии материала и т. д. [Cooper, Jagoda, 1947, с. 15–25].

Поэтому для успешной контрпропагандистской работы необходима выработка методов преодоления психологических механизмов, связанных с когнитивным диссонансом, препятствующих осуществлению эффективного информационно-психологического воздействия на целевую аудиторию. К решению этой важной теоретической и прикладной задачи мы призываем подключиться исследователей различных специальностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кейзеров Н. М., Ножкин Е. А. Контрпропаганда: проблемы методологии и методики. М. : Мысль, 1984.
2. Красинский В. В. Терроризм 2.0: монография. М. : Юрлитинформ, 2023.
3. Смирнов А. Негосударственные акторы в современных информационных войнах // Международная жизнь. 2018. № 5. С. 83–99.

4. Смирнов А. А. Организация контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом: научно-практическое пособие. М. : АТЦ СНГ, 2020.
5. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. М. : Издательство «Э», 2018.
6. Cooper E., Jagoda M. The evasion of propaganda: How prejudiced people respond to anti-prejudice propaganda // Psychology, 1947. # 23. P. 15–25.
7. Sunstein C. S. Conspiracy theories and other dangerous ideas. New York, 2014.